

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ДРАКОНЫ, ВЕДЬМЫ, КОЛДУНЫ В ИНФОРМАЦИОННО-ПРОПАГАНДИСТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ МИФОЛОГИИ

[Рец. на кн.: Бреева Т.Н., Хабибуллина Л.Ф. «Русский миф» в славянском фэнтези. – М.: Флинта, 2016. – 184 с.]

О.Е. Осовский

*Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва,
г. Саранск, 430005, Россия*

Аннотация

В рецензии предложен критический анализ монографии Т.Н. Бреевой и Л.Ф. Хабибуллиной, посвящённой специфике представления «русского мифа» в так называемом славянском фэнтези – интенсивно развивающемся феномене отечественной массовой литературы. Рецензентом отмечена прослеженная исследователями генетическая связь современного российского фэнтези с русским фольклором, литературой европейского средневековья и западной массовой культурой; дана типология ключевых мифов; обозначен механизм их модификаций и трансформаций. На материале произведений Ю. Никитина, К. Плешакова, Д. Янковского, О. Дивова, А. Миронова, И. Кошкина, В. Леженда, В. Колычева, В. Ковальчук, Г. Романовой, В. Свержина и др. ими были выявлены структурообразующие элементы жанра, специфика сюжетной организации, типы авторских стратегий и формы их воздействия на массового читателя, место и роль современного фэнтези в отечественном информационно-пропагандистском пространстве.

Ключевые слова: «русский миф», славянское фэнтези, национальная идентичность, массовое сознание, информационное пространство

Имена авторов рецензируемой монографии – Татьяны Николаевны Бреевой и Лилии Фуатовны Хабибуллиной, докторов филологических наук, профессоров Казанского федерального университета – хорошо известны литературоведам. Исследователей отличают умение находить нестандартные подходы при решении сложных междисциплинарных задач, работа в проблемном поле новейших литературоведческих и культурологических штудий, прекрасное владение современным научным дискурсом.

Новая книга является закономерным результатом авторского интереса к проблеме национального мифа и его историософского осмысления в отечественной и зарубежной словесности, новых мифологий и выстраиваемых на их

основе социальных и культурных практик, что уже нашло отражение в ряде их публикаций (см. [1–3]).

Обращение к «русскому мифу» и особенностям его репрезентации в современном славянском фэнтези подводит читателя к механизмам конструирования социальных мифологий, к выявлению их пропагандистского и идеологического содержания. Примечательно, что, ограничиваясь по преимуществу российским материалом 2000-х годов, авторы сумели обозначить тенденцию, ставшую ещё более актуальной в середине следующего десятилетия. «Игры» с национальными мифами – характерная особенность политической современности самых разных государств: от сегодняшних России и США до Турции, Черногории или Зимбабве. Персонажи прежних фэнтези оказываются действующими лицами президентской гонки в американских социальных сетях в 2016 г., где герои телесериала «Игра престолов» (см. GT) конкурируют друг с другом в качестве кандидатов в президенты и вице-президенты США, а образ главного «русского викинга» князя Владимира конструируется по тем же лекалам национального мифотворчества, что и фигура командира батальона «ударниц» Бочкарёвой или двадцати восьми героев-панфиловцев в российском военно-историческом кинематографе (см. Б., 28П).

В этом контексте уже не кажется несколько прямолинейным первый тезис, звучащий в предисловии книги и в значительной степени определяющий логику развёртывания её научного сюжета:

В конце XX – начале XXI века происходит активизация интереса к нациоимоделированию, чему способствуют как общие механизмы, определяющие характер существования общественной и культурной жизни стран, так и совокупность политических факторов, среди которых особое место отведено краху коллективной идентичности в отношении России, заявившей о себе после развала СССР. Отражением этого процесса в рамках литературного дискурса становится предельно широкое обращение к жанровому формату историсофского романа, традиционно берущему на себя основную миссию в литературном нациоимоделировании.

Однако социальное конструирование в гораздо большем масштабе и с гораздо большей степенью открытости может быть реализовано масскультом, в том числе и массовой литературой. В этой связи процесс нациоимоделирования наиболее полно репрезентирован славянским фэнтези, составившим одну из самых масштабных частей современного литературного масскульта (БХ, с. 4).

Подчеркнём, что авторам удалось решить сложный комплекс проблем, связанных и с многовекторностью поставленной в исследовании задачи (речь идёт о пересечении политического, идеологического, медийного и литературного пространств, в которых функционирует «русский миф»), и со спецификой анализируемого литературного материала, художественно-эстетические «достоинства» которого, увы, не позволяют пользоваться традиционным литературоведческим арсеналом. Последние закономерно перемещаются на периферию исследовательского внимания, оставаясь только поводом для вдумчивого разговора о механизмах и функциях освоения конструирования и последующей репрезентации национального мифа различными формами массового сознания, и литература оказывается одной из них.

Т.Н. Бреева и Л.Ф. Хабибуллина чётко формулируют место масслита в общей структуре масскульта, детально анализируют процесс медиализации прежней

массовой литературы и превращения в материал для фильмов, сериалов, ролевых и компьютерных игр. Сам этот процесс достаточно тонок и сложен, и характер трансформации конкретного материала, судьбы сюжетов, героев, специфика выстраивания циклов могли бы стать предметом специального исследования, однако авторов занимает совсем другой аспект: проектные технологии мифоконструирования и различные стратегии представления полученного результата. Не случайно вместо ожидаемых в подобного рода монографии разговоров о современном понимании терминов *фэнтези* и *славянское фэнтези*, истории формирования и сегодняшнем наполнении жанра исследователи предпочитают обратиться к славянскому фэнтези прежде всего как форме проектной деятельности, ссылаясь при этом на авторитетное мнение известного журналиста, публициста и культуролога А.Н. Привалова. «Все исследователи, так или иначе обращающиеся к определению терминологических границ литературного проекта, говорят о его предумышленности и преднамеренности, – констатируют они. – К этому можно прибавить ещё и идеологическую заданность, которая становится одним из главных критериев, позволяющих обозначить его отличие от феномена циклизации. Литературный проект в гораздо меньшей степени характеризуется художественной целостностью, а точнее, целостность подобного рода не оказывается его категориальным признаком, всё зависит от того, на каком уровне литературный проект реализуется, поэтому в отношении массовой литературы и литературы двойной кодировки художественная целостность может быть редуцирована или практически полностью отсутствовать» (БХ, с. 8).

Очевидно, что в подобной ситуации нет смысла в сложных поисках: авторский посыл и авторский приём до предела обнажены, конструктивные элементы находятся на поверхности, а читатель «соблазняется» незатейливым набором сюжетных ходов, «облагораживаемым» величием национального духа и национального мифа. Оттого исследователи могут легко ограничиться выбором одной «типовой модели» – толкиенистской, относительно небольшим числом имён создателей славянского фэнтези и при этом абсолютно точно обозначить не только контуры проблемы, но и выявить существенные её особенности. Последнее решается на трёх уровнях: определение стратегий репрезентации национального мифа, процесс создания собственно «русского мифа», роль образа «чужого/другого». Дополнительно к этому авторами вводится особый – английский – компонент, представляющий собой, подозреваем, дань научным интересам одного из авторов. Это, впрочем, позволяет говорить о возможной перспективе в дальнейшем исследовании «русского мифа» и месте в его структуре немецкого, скандинавского, польского или монгольского компонентов.

Различные стратегии конструирования национального мифа описаны авторами очень подробно, с приведением выразительных примеров из многочисленных источников и представлены следующими моделями: сказочной, богатырской, фантастической, исторической. У литературоведа мог бы возникнуть соблазн переключиться на анализ глубинных связей жанра фэнтези с основными типами фольклорных текстов, опытом литературы раннего и зрелого европейского средневековья, романтизма и неоромантизма и т. д. Однако авторы прекрасно понимают, что русское фэнтези 1990–2000-х годов извлекает свои

схемы и клише из иного источника, ориентируясь на уже отработанные приёмы западной массовой литературы и кинематографа. И хотя, как нам уже приходилось писать, эта простота оказывается очень «непростой» (см. [4]), первоисточники «творческого вдохновения» обозначаются исследователями абсолютно точно.

Немалую роль в этом процессе играет и социально-политическая ситуация 2000-х годов, когда рост патриотических и националистических настроений в российском обществе получает отклик в СМИ, массовой литературе и кинематографе. Впрочем, в героической атмосфере славянского фэнтези появляется и пародийно-комическое направление, представленное текстами откровенно иронического, развлекательно-смехового характера. «Богатырская сюжетика актуализирована не только в медийном дискурсе, – справедливо отмечают авторы, – но и определяет значительную часть славянского фэнтези, формируя как героический, так и иронический дискурсы¹...» (БХ, с. 26).

Опираясь на точку зрения Б.В. Дубина, авторы определяют характерные особенности «русского мифа» и формы его воплощения в современном отечественном романе. Попытка конструирования особого русско-славянского космоса, мифологизированного «русского мира», наполнения его деталями и реалиями, имеющими подчас крайне мало общего с реальной историей, – примета значительной части этой продукции. В романах Ю.А. Никитина, Д.В. Янковского, К.В. Плешакова и других «русский миф» превращается в чётко сформулированную идеологему, подчиняющую себе все авторские задачи. Здесь досужий критик вправе, наконец, задать авторам вопрос: если национализм «русского мифа» настолько очевиден, то почему фэнтези так и остаётся «славянским»? Впрочем, если убрать неуместную в серьёзной рецензии иронию, то ответ понятен: с одной стороны, до конца не очевидна сама «русскость» эпохи, с другой – панславянское начало для подлинного националиста не менее важно, чем его русское настоящее. И нельзя не согласиться с выводом авторов о том, что «русский миф в славянском фэнтези характеризуется достаточной степенью выстроенности; национальная концептуализация, которая, безусловно, использует в большинстве уже отработанные схемы, тем не менее отличается многообразием форм, сочетающихся с однотипностью содержательной основы» (БХ, с. 107).

Среди наиболее эффективных приёмов обозначения «русскости» Т.Н. Бреева и Л.Ф. Хабибуллина справедливо выделяют противопоставление ей характеристик «чужого/другого». Детально разработанная западными исследователями с опорой на идеи М.М. Бахтина, Э. Левинаса и других теория «другости» оказывается созвучна представленным в рецензируемой монографии наблюдениям над тем, как осуществляется взаимодействие на уровне *свой – чужой*, когда «чужой» превращается во врага, а «другой» – в друга или недруга. Показательными иллюстрациями этого, с точки зрения исследователей, становятся

¹ Первый, по мнению Т.Н. Бреевой и Л.Ф. Хабибуллиной, характерен для произведений Ю. Никитина («Княжий пир», 1998), К. Плешакова («Богатырские хроники», 2006), отчасти Д. Янковского (входящие в цикл «Воин» романы «Голос булата» (1999) и «Знак пути» (2000)), О. Дивова («Храбр», 2006); второй – для трилогии А. Миронова «Древнерусская игра» (1999–2001), романов И. Кошкина «Илья Муромец» (2007), В. Леженда «Войны былинных лет» (2005), В. Колычева «Три богатыря» (2004).

«Троецарствие» Ю.А. Никитина, «Лес на Той Стороне» Е.А. Дворецкой, «Преданья старины глубокой» А.В. Рудазова, «Знак пути» Д.В. Янковского и проч.

Заметный интерес для читателей представляет четвёртая глава, добавляющая «интернациональную» ноту в контекст исследования и расширяющая границы английского компонента до англо-американского. Речь здесь идёт о фактах очевидного влияния Дж. Р. Толкиена и других представителей англоязычного фэнтези на тексты таких российских сочинителей, как Вера Ковальчук, Галина Романова, Владимир Свержин и др. На этом фоне закономерно возникают контуры диалога совсем иного литературного уровня – братья А.Н. и Б.Н. Стругацкие и У. Ле Гуин, К. Саймак. Однако данная проблема выходит за пределы проблемного поля рецензируемой монографии и, будем надеяться, привлечёт внимание авторов в дальнейшем.

Естественно, что отдельные построения, в том числе публицистического масскульта – от Г.В. Носовского и А.Т. Фоменко до Ю.Д. Петухова и др., вызывают у Т.Н. Бреевой и Л.Ф. Хабибуллиной плохо скрываемую улыбку, а попытки ревизии европейской истории и роли в ней европейских государств вполне сопоставимы с попытками российских патриотов второй половины XVIII в. превратить древних славян в потомков модных тогда, благодаря песням Оссиана, кельтов.

Очевидно удавшаяся монография Т.Н. Бреевой и Л.Ф. Хабибуллиной имеет ещё одно бесспорное достоинство: обозначенные в ней решения проецируются на гораздо более широкий тематический круг произведений массовой литературы и кинематографа, позволяют понять механизмы взаимодействия национального мифотворчества не только в литературе, но и во всём спектре современных медиа. Эта книга, вне всякого сомнения, будет полезна и историкам литературы, социологам и журналистам, и увлекающимся фэнтези молодым читателям, которые получают благодаря ей гарантированную прививку от псевдопатриотизма и националистической героики.

Источники

- GT – Game of Thrones. – URL: <https://www.hbo.com/game-of-thrones>, свободный.
- Б. – Батальонь: Фильм Д. Месхиева [Россия, 2015]. – URL: <http://batalion-film.ru/>, свободный.
- 28П – Двадцать восемь панфиловцев: Фильм А. Шальопы, К. Дружинина [Россия, 2016]. – URL: <http://28panfilovcev.com/>, свободный.
- БХ – Бреева Т.Н., Хабибуллина Л.Ф. «Русский миф» в славянском фэнтези. – М.: Флинта, 2016. – 184 с.

Литература

1. Бреева Т.Н., Хабибуллина Л.Ф. Национальный миф в русской и английской литературе. – Казань: РИЦ «Школа», 2009. – 612 с.
2. Бреева Т.Н. Национальный миф в русском историософском романе рубежа XX – XXI веков. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2010. – 272 с.
3. Хабибуллина Л.Ф. Миф России в современной английской литературе. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2010. – 206 с.

4. *Осовский О.Е.* Непростая простота. Страна, читающая «маслит» или не читающая вовсе? // *Вопр. лит.* – 2009. – № 3. – С. 46–69.

Поступила в редакцию
19.03.17

Осовский Олег Ефимович, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы

Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва
ул. Большевистская, д. 68, г. Саранск, 430005, Россия
E-mail: *osovskiy_oleg@mail.ru*

ISSN 2541-7738 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2017, vol. 159, no. 3, pp. 766–772

Dragons, Witches, and Sorcerers in the Advocacy Space of National Mythology

[Review: Breeva T.N., Khabibullina L.F. “Russian Myth” in Slavic Fantasy. Moscow, Flinta, 2016. 184 p.]

O.E. Osovskiy

Ogarev Mordovia State University, Saransk, 430005 Russia
E-mail: *osovskiy_oleg@mail.ru*

Received March 19, 2017

Abstract

The review provides a critical analysis of the new book by T.N. Breeva and L.F. Habibullina. The authors pay attention to the phenomenon of “Russian myth” in the so-called Slavic fantasy, which is a crucial part of contemporary mass literature in Russia. The main idea of this project is to demonstrate the real influence of modern mythologies on the conscience of mass readers. This is the way the mass propaganda uses to make fiction and mass media a part of its own space. The authors have traced the genetic connection of contemporary Russian fantasy with Old Slavic folklore, European medieval literature, and Western mass culture. In this context, the special emphasis has been put on J.R.R. Tolkien’s traditions and the influence of today’s Anglo-American fantasy. On the basis of the detailed text analysis, we have introduced different schemes of structure and form organization, plot formation, choice of characters and chronotopes, models of myths and legends modifications and transformations. The distinctive typology of different fantasy types, from heroic and legendary to comic, has been elaborated. The most vivid examples of contemporary Russian/Slavic fantasy include the books by Yu. Nikitin, K. Pleshakov, D. Yankovsky, O. Divov, A. Mironov, I. Koshkin, V. Lezhend, V. Kolychev, V. Koval’chuk, G. Romanova, V. Sverzhin, etc.

Keywords: “Russian myth”, Slavic fantasy, national identity, mass consciousness, information space

References

1. Breeva T.N., Khabibullina L.F. National Myth in Russian and English Literature. Kazan, Shkola, 2009. 612 p. (In Russian)
2. Breeva T.N. National Myth in Russian Historiosophic Novel at the Turn of the 20th – 21st Centuries. Kazan, Kazan. Gos. Univ., 2010. 272 p. (In Russian)

3. Khabibullina L.F. Russian Myth in Modern English Literature. Kazan, Kazan. Gos. Univ., 2010. 206 p. (In Russian)
 4. Osovskiy O.E. Challenging simplicity. Country reading “mass literature” or not reading at all. *Voprosy Literaturny*, 2009, no. 3, pp. 46–69. (In Russian)
-

Для цитирования: *Осовский О.Е.* Драконы, ведьмы, колдуны в информационно-пропагандистском пространстве национальной мифологии [Рец. на кн.: Бреева Т.Н., Хабибуллина Л.Ф. «Русский миф» в славянском фэнтези. М.: Флинта, 2016] // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2017. – Т. 159, кн. 3. – С. 766–772.

For citation: Osovskiy O.E. Dragons, witches, and sorcerers in the advocacy space of national mythology [Review: Breeva T.N., Khabibullina L.F. “Russian Myth” in Slavic Fantasy. Moscow, Flinta, 2016]. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2017, vol. 159, no. 3, pp. 766–772. (In Russian)